

БЕГСТВО ОТ КНИГ

Дечка Чавдарова

(Дечка Чавдарова, Шуменски университет „Епископ Константин Преславски”,
Шумен 9712, ул. „Университетска” 115)

На протяжении всей истории культуры книга становится объектом то возвышения, мифологизации, то снижения, демифологизации. Поскольку часто эти процессы реализуются на страницах самих книг – на метатекстовом уровне – то демифологизация приобретает характер самоотрицания и содержит парадокс: книга “говорит” о ненужности книги. В болгарском литературоведении эту двойственность концептуализации книги в контексте соотношения устное слово – письменное слово проследживает Н. Георгиев¹. Литературовед обращает особое внимание на место Руссо в процессе дискредитации книги. Напряжение между чтением и естественностью (культурностью и природностью) порождено руссоистской идеей “естественного человека” (“l’homme de la nature et de la vérité”), включающей проблематизацию роли книг в процессе воспитания.

Несмотря на бунт Руссо против книг, сентиментализм, вдохновленный его творчеством, придает особую ценность книге в любовном дискурсе. Таким образом сентименталистская интерпретация “естественного человека” содержит представление о гармонии чтения/книги и любви, присущая в одинаковой степени женщине и мужчине. Более того – для сентименталиста женщина является идеальным читателем именно благодаря своей интуиции и чувствительности. Эта идея находит выражение у Н. Карамзина в “Письмах русского путешественника” – она звучит в описании диалога с немецким поэтом Рамлером:

Стихи свои, еще в рукописи, читает он одной приятельнице, которая, не будучи ученою, имеет природное нежное чувство изящного. Мне пришла на мысль Аспазия, которой Афинские певцы отдавали на суд свои творения; ушам ея верили они более, нежели своим – и я думаю, что женщины вообще могут чувствовать некоторые красоты Поэзии живее мужчин².

Если посмотрим на эту концепцию с точки зрения гендерной теории и учтем представление о природности женщины, мы могли бы сказать, что женщина окажется “естественным человеком” в квадрате.

Аксиологическая двойственность соотношения книга – естественность (*homo legens* - *l’homme de la nature et de la vérité*) находит свое художественное воплощение в романе Гете “Страдания юного

---

¹ Георгиев 1990.

² Карамзин 1987:44.

Вертера". Герой Гете мечтает о воскрешении патриархальных времен – в его письме от 12-ого мая присутствуют знаки ретроспективной утопии:

*Wenn ich da sitze, so lebt die patriarchalische Idee so lebhaft um mich, wie sie, alle die Altväter, am Brunnen Bekanntschaft machen und freien, und wie um die Brunnen und Quellen wohltätige Geister schweben*³.

Вместе с тем Вертер – читающий человек и цитирующий человек, при чем чтение в его житейской практике сопутствует любовное общение и общение с природой. Совместное чтение влюбленных – этот специфический феномен поэтики сентиментализма – означает слияние любовного наслаждения с наслаждением книгой. Восприятие произведения любимого автора любимой женщиной осмыслено как идеальное чтение, чем-то близкое религиозному переживанию: в письме от 16 июня, по поводу чувства, вызванного у Лоте Клопштоком, Вертер восклицает:

*Edler! Hättest du deine Vergötterung in diesem Blecke gesehen, und möcht, ich nun deinen so oft entweihten Namen nie wieder nennen hören!*⁴

Но в своем опьянении любовью герой “бежит” от книги, отказывается от ее роли Учительницы и Вдохновительницы во имя органики чувства, “настоящей” жизни (письмо от 13 мая):

*Du fragst, ob du mir meine Bücher schicken sollst? – Lieber, ich bitte dich um Gottes willen, lass mir sie vom Halse! Ich will nicht mehr geleitet, ermuntert, angefeuert sein, braust dieses Herz doch genug aus sich selbs; ich brauche wiegengesang, und den habe ich in seiner Fülle gefunden in meinem Homer*⁵.

Отказ Вертера от книг получает и другое значение: неосуществимость любви разрушает гармонию героя с миром и порождает ощущение бессмысленности всех начинаний, всех вещей. (Эта связь между утратой любви и чувством бессмысленности жизни превратится в основную идею романтической концепции любви). Результатом подобного скепсиса являются лень (Lässigkeit) и отвращение от книг: *Ich habe Vorstellungskraft, kein Gefühl an der Natur, und die Bücher ekeln mich an*⁶.

На другом уровне Гете интерпретирует конфликт между естественностью и познанием (выраженными метафорически как “древо познания” и “древо жизни”) в “Фаусте”.

³ Goethe 1996:9-10.

⁴ Goethe 1996:27.

⁵ Goethe 1996:10.

⁶ Goethe 1996:53.

Художественная концепция романтизма актуализирует слова Экклезиаста, связывая познание с грустью. Как известно, руссоистский призыв к бегству от цивилизации находит самое яркое выражение в жанре поэмы Байроновского типа.

Возможность снятия “с плеч” сына цивилизации “груза” знания и Библиотеки получает в русской литературе XIX века ироническую интерпретацию в повести Льва Толстого “Казачи”. Писатель проблематизирует способность сына цивилизации „страхнуть“ с себя ее „плоды“: Оленин пытается примирить ценности цивилизации и натуры в любовном романе с кавказской девушкой, он представляет себе как черкешенка, в которую он влюбится, научится французскому языку и будет читать *Notre Dame de Paris*. В таком представлении содержится скрытая цитата упомянутого сентименталистского мотива совместного чтения влюбленных. Вместе с тем Толстой оказывается близким руссоистскому отрицанию книги, изображая отказ Оленина от чтения, осознание бессмысленности этого акта в момент восхищения красотой Марьяны. В позднем творчестве Толстого – в романе “Анна Каренина” – потеря интереса к чтению означает возрождение героини, “естественного человека” (в смысле Киркегора), любовью: *Анна Аркадьевна читала и понимала, но ей неприятно было следить за отражением мысли других людей. Ей слишком самой хотелось жить*. В житейской практике самого Толстого проблематизация книг найдет выражение в отказе от творчества – акте, являющимся самоотрицанием писателя.

Соотношение *читающий человек – естественный человек* находит специфическую интерпретацию – с точки зрения русскости – в романе И. Гончарова “Обломов”. Герой, отбросивший книгу в поисках гармонии и покоя, пробуждается ото сна благодаря любви к женщине, которая преображает его. Важным знаком этого преображения является чтение: *Встает он в семь часов, читает, носит куда-то книги* [Гончаров 1973:196]. В общении Ольги с Обломовым чтение является одной из основных тем: *“Но, вероятно, вы много пишете, сказала она, - читаете. Читали ли вы?”*⁷. В любовном романе с Обломовым Ольга играет роль воспитателя, лечительницы: *Она мечтала, как “прикажет ему прочесть книги”, которые оставил Штольц, потом читать каждый день газеты и рассказывать ей новости <...>*⁸. Сторонники гендерной теории открыли бы в этом явлении смену общепринятых ролей мужчины и женщины (в философии роль мужчины для возвышения женщины к Богу путем любви утверждает Вл. Соловьев в своей книге “Смысл любви”). Значение книги в любовном диалоге выражено в романе Гончарова также метафорой любимая женщина – книга: *“ <...> Улыбку можно читать, как книгу; за улыбкой эти зубы и вся голова...как она нежно покоится на плечах, точно*

⁷ Гончаров 1973:201.

⁸ Гончаров 1973:212.

*зыблется, как цветок, дышит ароматом...*⁹. В изображенном мире романа говорить о любви и говорить о книге – два акта, связанные неразрывно. Нужно подчеркнуть, что в образе Ольги, как в образе Татьяны Лариной, сочетаются “читающий человек” и “естественный человек”. Она не владеет искусством кокетства, культивированным в светской среде (другими словами, “наукой страсти нежной, которую воспел Назон”):

*Как бы то ни было, но редко в девице встретишь такую простоту и естественную свободу взгляда, слова, поступка. У ней никогда не прочтешь в глазах: “теперь я подожду немного губу и задумаюсь – я так недурна. Взгляну туда и испугаюсь, слегка вскрикну, сейчас подбегут ко мне. Сяду за фортепьяно и выставлю чуть-чуть кончик ноги...”*¹⁰

Но Обломов бежит от Ольги в поисках другой простоты, воплощенной в образе Пшеницыной – бежит от книг, музыки, стихии любви на пристань “сладкого покоя и сладкой пищи”. Для него любовный дискурс в светской среде мучителен – о чем свидетельствуют разговоры с Ольгой. Как уже указывалось в научной литературе по другим поводам, Гончаров раскрывает двойственность вещей, двойственность двух членов оппозиции *цивилизация – натура*. Отказ Обломова от книг, несмотря на гротесковые (гоголевские) детали его изображения, получает значение спасения от хаоса Библиотеки¹¹. Таким образом русский писатель, размышляющий над дилемой Восток-Запад (Россия – Европа), предсказывает идеи XX века о “Вавилонской библиотеке”.

Проблематизация Библиотеки – один из основных мотивов в творчестве Чехова. В концепции писателя эта проблематизация связана с проблемой утерянной идентичности. Современное чеховедение незря вычитывает из произведений Чехова эстетику *Vanitas*, идеи Экклесиаста¹². С точки зрения образа Библиотеки особо интересен рассказ “Пари”, в котором тема развернута на основе сюжета узничества: молодой человек держит пари, что выдержит 15 лет в одиночестве, имея право только читать и заниматься музыкой. Описание книг, которые заказывает узник, создает представление как бы о пути человеческого познания: романы с легким содержанием, классики, философия, языки, Евангелие, химия, медицина, богословие. Чтение персонажа получает коннотации ‘поиск смысла жизни’, ‘поиск идентичности’ – значения, выраженные метафорически в оценке чтения повествователем: *Его чтение было похоже на то, как будто бы он плывал в море среди обломков корабля и, желая спасти себе жизнь, жадно*

⁹ Гончаров 1973:206.

¹⁰ Гончаров 1973:197.

¹¹ См. подробнее анализ этого отказа в: Чавдарова 2001.

¹² См. н-р: Лошилов 2002.

*хватался то за один обломок, то за другой*¹³. Неожиданный финал – выход узника из заключения раньше срока и проигранное пари – мотивирован выводом персонажа о бессмысленности мудрости, о невозможности открыть смысл жизни вопреки огромному познанию (идея, прозвучавшая еще в “Фаусте”). С точки зрения идеи *естественного человека* нужно подчеркнуть, что утрата веры в познание в рассказе Чехова не порождает выбора органики жизни, или (выражаясь словами Гете), противопоставления “древа жизни” “древу познания”. Руссоистский идеал чужд Чехову и писатель оставляет нас перед нерешенным вопросом выбора, во власти трагической иронии.

Бунт против книги, а точнее – против Литературы – звучит сильно в русской литературе/культуре начала XX века. Он выражен ярче всего в “Опавших листьях” Розанова, где писатель и философ противопоставляет “великой литературе” “великую жизнь”: *Нужна вовсе не “великая литература”, а великая, прекрасная и полезная жизнь. А литература может быть и кой-какая, - на задворках*¹⁴. Эта тенденция вызвана ощущением кризиса культуры, усталости от культуры на рубеже веков (*fin de siècle*). На русской почве идея Розанова обусловлена культом Литературы в русской культуре.

Отказ от книги во имя “настоящей” жизни интерпретирует по-новому русский авангард. Особо интересен с этой точки зрения акмеизм, который сочетает культ книги с ее проблематизацией. Диалог двух точек зрения на ценность книги *v/s* ценность жизни является основной темой стихотворения М. Кузмина “Я книгу предпочту природе” 1914 года. В стихотворении входят в спор идея о бегстве от реального путешествия в мир книг, воплощенная в специфически русском образе чтения на диване (*Не лучше ль, лежа на диване, / Прочесть Жюль Верна том другой?*), с идеей недостаточности книжного знания (*Но ждать могу ли я ответа / От напечатанных листков*). Развивая тему об “органической целостности” (интерпретированной позже и в статьях поэта об искусстве), Кузмин противопоставляет книге любовь: *Не променял бы одного я / Ни на гравюру, ни на том - / Тех губ, что не дают покоя, / В лице прелестном и простом*.

В первой четверти XX века идея о “плохом” познании, о бремени цивилизации явно “витает в воздухе”, она инспирирована актуальными философскими концепциями, в особенности книгой Шпенглера “Закат Запада”, опубликованной после первой мировой войны (1918). Болгарская интеллектуальная элита не остается безразличной к этой идее. С ней можем связать противопоставление книги жизни в стихотворении болгарского поэта А. Далчева “Книгите” (“Книги”) 1926 г. Вот текст стихотворения:

¹³ Чехов 1977:232.

¹⁴ Розанов 1929:25.

*Пред мен е книгата разтворена
И денем, и ноця;
Все сам, аз не познавам хората,
Не зная и света.*

*Прилитат и отлитат птиците,
Изгрява ден, залязва ден:
Аз дните си като страниците
Прелиствам уморен.*

*Години да четеш за чуждия
Живот на някой чужд,
А твоят, никому ненужен,
да мине глух и пуст.*

*До мене ти не стигна никога,
О, зов на любовта,
И аз изгубих зарад книгите
Живота и света.*

Смысл стихотворения раскрывается многими болгарскими литературоведами, которые ставят его в ряд текстов, содержащих подобное трагическое чувство жизни и культ к примитиву – Данте, Сервантес, романтизм, Ницше, А. Жид¹⁵, указывают на роль поэта как культурного героя, активизирующего у членов общности “мрачную радость быть интеллектуалом в западном мире нового времени” и раскрывающий им “радости простой жизни”¹⁶. Почти все интерпретаторы стихотворения выводят генезис его основного смысла из Экклесиаста. В одном из исследований основные значения текста определяются как “прописные истины” современного научного прочтения Далчева¹⁷. Тем не менее укажем на эти значения: лирический субъект Далчева, подменивший жизнь миром книг, обречен на одиночество; чтение о чужой жизни обесмысливает его собственную жизнь; сущность самой жизни он воплощает в метафоре жизнь-книга, при чем эта метафора получает отрицательный знак (в других философских или поэтических системах она может иметь положительный знак) - “свои дни, как страницы, перелистываю устало”. Добавим к этому сравнение между поэтической ролью Далчева, являющейся реакцией на книжное знание, и ролью упомянутого русского акмеиста Кузмина: в отличие от лирического субъекта Кузмина, субъект Далчева не отдается любви, а остается во власти скепсиса, чувства невозвратимых потерь -

¹⁵ Аврамов 2002.

¹⁶ Кирова 2005.

¹⁷ Кирова 2005.

любви, жизни и мира: “и я потерял ради книг / жизнь и мир”. В одном случае находит выражение романтическая вера в возможность бегства от книжного мира в органику жизни, а в другом – исполненный трагизмом итог на закате жизни. Дополнительные размышления вызывает и проблема идентификации потенциального болгарского читателя с “Далчевым”, о которой пишет М. Кирова. Бесспорно идея “естественного человека”, является идеей, рожденной цивилизацией – выражаясь словами исследовательницы, “радости простой жизни <...> могут быть соблазном для того, кто очень далеко от них”¹⁸. В болгарской поэзии 60-ых годов мотив бегства “назад к природе” занимает существенное место, но чувство усталости от цивилизации является данью литературной моде, чистым социокультурным жестом, если иметь ввиду непрерывную (или только что прерванную) связь многих поэтов с деревней, со своей патриархальной средой. Что касается Далчева, культурная роль его лирического субъекта явно совпадает с судьбой самого поэта (биографы Далчева указывают на его стеснительность, замкнутость, рафинированную культуру, пребывание в мире книг). Это объясняет социальное одиночество поэта, элитарность его творчества.

Идея европейской культуры об опасностях книжного знания/Библиотеки, выталкивается за пределы официальной культуры в “Восточной Европе” во время власти социалистической системы. В социалистической культуре, которой присущи идеологемы социального оптимизма, коллективизма и роли книги как Учительницы жизни, помощника в политической борьбе, упомянутая идея недопустима. В СССР реакцией на советскую действительность является бегство культурной элиты в мир *других* книг: Й Бродский пишет от предпочтении идей о вещах перед самими вещами, о том, что Диккенс был для его круга реальнее Сталина и Берии¹⁹. Подобное бегство в мир книг также противостоит идее, о которой идет речь в нашем тексте.

В то же самое время западноевропейская литература развивает интерпретацию дилеммы *цивилизация – природа, читающий человек – естественный человек*. Эта дилема является основной идеей романа М. Фриша “Штиллер” (1952). Исследователи комментируют бросающуюся в глаза связь романа Фриша с романом Гете “Страдания юного Вертера”, сводя ее к романтической иронии и самому жанру – письма, дневники²⁰. Связь Штиллера с Вертером можно открыть и в интерпретации конфликта естественности с книгой. Герой со значимой фамилией (“тихий”) в тщетных поисках своей идентичности, меняя свои социальные роли²¹, бежит в

¹⁸ Кирова 2002.

¹⁹ Цит. по: Бетеа 1993.

²⁰ Константинов 1982.

²¹ Этой проблеме посвящена диссертация болгарской германистки Калины Минковой “Ролеви конфликти и ролевото им отразяване в прозата на Макс Фриш. София, 1980.

Америку, где пытается спастись любовью с мулаткой Флоранс (имея ввиду представление о природности: женщины, можно сказать, что Флоранс *естественный человек* в квадрате). В этой сюжетной линии можно уловить разыгрывание героем сюжета романтической поэмы. Но в своем дневнике Штиллер с язвительной иронией, упоминая Руссо, комментирует стремление западной цивилизации в ее американском варианте устроить себе идиллический островок, не отъезжая от благ цивилизации – телефона, машины, скорой помощи, туалета (описание кэмпинга). Ирония находит более дискретное выражение в описании женщины, которая сидит в машине на кэмпинге и читает книгу “How to enjoy life”. По сравнению с романтической иронией, ирония Фриша другого порядка – она полностью разрушает надежду на возможность бегства от цивилизации.

Другая роль Штиллера – носителя “груза” европейской цивилизации – означена описанием его библиотеки, занимающим почти целую страницу. Образ этой библиотеки порождает ассоциации с образом Чехова из рассказа “Пари”²². Текст описания содержит значения ‘хаос’, ‘отсутствие идентичности’: Платон, Гегель, Брехт, Гамсун, Горький, Ницше, оперные либретто, граф Кайзерлинг, антология швейцарской лирики, книги об искусстве, “Моя борьба”, Андре Жид, книга о гражданской войне в Испании (в которой Штиллер участвовал в поисках своего “я”), “Западно-восточный диван”, “Фауст”, “Разговоры Гете с Еккерманом”, “Дон Кихот де ла Манча”, “Волшебная гора”, “Илиада”, “Божественная комедия”, Ёрих Кестнер, стихотворения Мерики, “Тиль Ойленшпигель”, Марсел Пруст, Юнг, Стриндберг, Гессе, Чехов, Пиранделло, Лоурнс, Достоевский, Лорка, Клодель, “Капитал”, криминальные романы, Лихтенберг, Тагор, Шопенгауэр, Хемингуэй, Тракл, “Комунистический манифест”, книги о Ганди. Имплицированными сигналами хаоса являются выражения “наряду с..”, “имена, которые сегодня не говорят ничего даже антикварам”, “между ними и...”, “всевозможные”, “ни одно полное издание”, “только”, “кое-что из...”, “совсем неожиданно”, “много книг одного швейцарца по имени...”, как и заключающее описание междуметие “и так далее”. В последующем комментарии описанной библиотеки Штиллер, дистанцируясь от своего прежнего “я” и говоря о нем в третьем лице, подсказывает отсутствие собственной идентичности – значение, также сближающее Фриша с Чеховым²³:

Jedenfalls dürfte es schwerfallen, daraus einen geistigen Steckbrief zu machen, zumal niemand weiss, was der Verschollene hiervon gelesen, was von dem

²² Исследователи указывают на экплицированные межтекстовые связи с Чеховым в творчестве Фриша – эпиграф из “Трех сестер” в его последней пьесе “Биография-игра”.

²³ Проблему отсутствия идентичности в повести Чехова “Моя жизнь” анализировал Пл. Панайотов в своем докладе “Полознев – ролята да нямаш роля”, прочитанном на научной конференции в честь проф. П. Троева – София, 26. 11. 2007.

*Gelesenen er verstanden oder einfach nicht verstanden oder auf eine für ihn fruchtbare Weise miss ver standen hat*²⁴.

Несмотря на свое знание, герой настаивает на органичность своих чувств, полемизирует с вторичностью восприятия мира - сквозь "зеркало" книг и видеопродукции - и утверждает ценность самой жизни:

*Dass ich meine Mordinstinkte nicht durch G. G. Jung kenne, die Eifersucht nicht durch Marcel Proust, Spanien nicht durch Hemingway, Paris nicht durch Ernst Jünger, die Schweiz nicht durch Mark Twain, Mexiko nicht durch Graham Greene, meine Todesangst nicht durch Bernanos und mein Nie-Ankommen nicht durch Kafka und allerlei Sonstiges nicht durch Thomas Mann, zum Teufel, wie soll ich es meinem Verteidiger beweisen?*²⁵

В продолжении цитированного фрагмента писатель подсказывает и способность литературы творить реальность, формировать мышление человека, даже без знакомства с самим текстом, понаслышке (феномен, комментированный Пушкиным в "Евгении Онегине" и представленный в житейской практике европейского человека синдромами вертеризма и байронизма):

*Es ist ja wahr, man braucht diese Herrschaften nie gelesen zu haben, man hat sie in sich schon durch seine Bekannten, die ihrerseits auch bereits in lauter Plagiaten erleben*²⁶.

Роман Фриша оказывается актуальным сегодня, в контексте споров о постмодернизме. Болгарский литературовед Бойко Пенчев начинает свои рассуждения о болгарской специфике в ситуации постмодерна именно с приведенной выше цитаты из "Штиллера" как синтезированного описания этой ситуации. Автор задает себе вопрос, который вычитывает из романа Фриша: *существует ли такое пространство, в котором автентичность нашего собственного экзистенциального опыта может себя легитимировать успешно и каковы пути самоидентификации в "коктейле" всепроникающих культурных волн?*²⁷. Приписывая постмодернизму "искусственность" (в противовес "естественности" модернизма), Б. Пенчев придает этому качеству положительный знак: "освобождение человека от универсалистских идеологий модернизма", "основа нового мироощущения", "масштабная психотерапия, которая нас мирит с прошлым". У кого-то однако "искусственность" и "литературность" могут вызывать не

²⁴ Frisch 1994:354.

²⁵ Frisch 1994:183-184.

²⁶ Frisch 1994:184.

²⁷ Пенчев 1992.

оптимизм, а растерянность, тоска по эсхатологии в литературе (эсхатологии, присущей авангарду). Им будет близка идея Фриша, которую, как мы увидели, можно проследить в истории европейской литературы на протяжении нескольких веков. А это ставит нас перед вечным вопросом о пути развития культуры.

Источники

Гончаров 1973. И. Гончаров. Обломов. Москва, “Художественная литература”, 1973.

Карамзин 1987. Н. Карамзин. Письма русского путешественника. Сост. Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский. Литературные памятники, Ленинград, 1987.

Чехов 1977. А. Чехов. Пари. // А. П. Чехов. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Сочинения в восемнадцати томах. Том седьмой. Москва, “Наука”, 1977.

Frisch 1994. Max Frisch. Stiller. Baden-Baden, 1994.

Goethe 1996. Johann Wolfgang von Goethe. Die Leiden des jungen Werther. // Johann Wolfgang von Goethe. Werke. Hamburger Ausgabe in 14 Bänden. Band 6. Romane und Novellen. Textkritisch durchgesehen von Erich Trunz. Kommentiert von Erich Trunz und Benno von Wiese. 1996.

Цитируванна литература

Аврамов 2002. Д. Аврамов. А. Далчев. Мирогледно-естетически аспекти. // Литературен форум, № 31, 15.10.2002.

Бетеа 1993. Бетеа Д. Мандельштам, Пастернак, Бродский. Иудаизм, християнство и созидание модернисткой поэтики. // Исследования американских ученых. Санкт-Петербург, 1993.

Георгиев. Н. Георгиев. Писаха не само да се знае. // Поетика и литературна история. София, 1990, с. 68-87. Или в: LiterNet, 18.08, 2004, 8 (57).

Кирова 2005. М. Кирова. Другият Далчев – “човекът на общността”. // Български език и литература, 2005, 5.

Константинов 1982. В. Константинов. Лицето на маската на “тихия човек”. Предговор към: М. Фриш. Щилер. София, 1982.

Лощилов 2002. И. Лощилов. О звуке лопнувшей струны в свете эстетики Vanitas. // Studia Litteraria Polono-Slavica 7: Portret – Akt – Martwa natura. Polska Academia Nauk. Instytut Sławistyki PAN, Sławistyczny Ośrodek Wydawniczy. Warszawa, 2002, s. 393-401.

Пенчев 1992. Б. Пенчев. Постмодернизмът и безконечният български модернизм. Тъгите на краевековието. Електронна програма “Словото”.

Розанов 1929. В. Розанов. Опавшие листья. Берлин, 1929.

Чавдарова 2001. Д. Чавдарова. Шпонька и Обломов. Отсутствие чтения – отказ от чтения. // Russian Literature, XLIX-III, 1 April 2001, p. 315-324.